

**Жанна Кайсарова,
Виталий Бабюх**

**ПОНЯТИЕ «ГОРОД»
И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ГОРОДОВ:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИ
ОПРЕДЕЛЕНИИ ДАТЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДСКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ**

То, что город на сегодня является одним из наиболее интересных объектов для исследователей разных отраслей науки, порождает множество разных подходов, методов, методик анализа соответствующих аспектов городской жизни на определенных исторических этапах. Именно большим количеством подходов к изучению города и предопределен широкий спектр исследовательских проблем – от общих закономерностей урбанизационных процессов до форм сохранения исторического наследия. Обнадеживающие перспективы открывает введение научного городоведения в исследовательское пространство новой локальной истории¹.

Возникновение города – проблема, с которой сразу сталкиваются историки, освещающие эволюцию разных форм человеческих поселений и пытающиеся объяснить феномен новой организации общественной жизни. Отсюда и постоянный поиск ответов на основополагающие для градоведения проблемы: основания определения «города», причины и теории возникновения городов, сущность города: основания, по которым определенное поселение начинают называть городом.

История Европы феодального периода, наверное, не была бы такой захватывающей, если бы не была тесно связана с историей городов. В течение всей европейской истории города играли колоссальную роль в политической, социальной, экономической сферах человеческого существования. Ведь именно возникновение города стало решающим периодом в переходе европейских стран от раннефеодального общества к развитому феодализму, где город выступил как центр ремесла, торговли, товарного производства. Укрепления и стены становились убежищем для многочисленных обитателей

¹ Суховский Н. Городская история: историография вопроса и аспекты современной исследовательской практики. // История города и села: теория и исследовательские практики. Материалы интернет-конференции Межвузовского научно-образовательного центра "Новая локальная история" Ставропольского государственного университета РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева.

городов и их околиц во время многочисленных войн, не говоря уже о том, что формирование органов власти происходило именно в городских замках.

В течение длительного периода истории, географы, а затем и социологи разработали немало подходов к определению города. Как отмечает Я. Верменич, традиционные подходы к определению «города» объединяют это понятие по разным параметрам: по функциональному назначению (экономические и неэкономические); по хозяйственному профилю (промышленные, портовые, курортные и тому подобное); по административному значению (государственного, областного, районного подчинения) и тому подобное².

Историческая наука предлагает определение этого понятия, исходя из его начальных функций. Таким образом, историки называют городом военно-политическое укрепление, центр власти, торгово-ремесленный центр в противовес селу, религиозный центр, юридическое образование со своими правами, культурный центр. Если же разделить это определение по отдельным сферам, то оно теряет смысл. Скажем, наличие укреплений характеризует город как замок, а в средневековье город и замок (как ячейка власти) противостояли друг другу. Еще одно опровержение столь же очевидно: не все города были административными центрами, более того, они конкурировали с другими центрами власти – замками феодалов.

Рост роли городов в общественной организации является тем фактором, который побуждает специалистов пересматривать устоявшиеся параметры локальной истории. Новые подходы в основном зависят от научной специализации и мировоззрения ученого. В. Никитин и Е. Никитина на основе многолетних исследований в отрасли управления городом сформулировали своеобразное организационное представление о «принципе» города. Сопоставление целого ряда методов изучения городов и городской истории дало возможность намного точнее и полнее осмыслить понятие «город» и обосновать историческое развитие поселения. Показано, в частности, что историческая наука должна использовать, кроме научного, гуманитарного и ремесленного подхода (по которому город рассматривается как определенная вещь, собранная мастерами, и потому чем оно древнее, тем ценнее), и другие подходы: формальный (авангардный, по которому город – это форма), семиотический (где город описывается как текст, который состоит из большого количества языков) и организационный (который описывает город как совокупность позиционеров, действующих в городе)³.

² Верменич Я. Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри. – К., 2008. – С. 78.

³ Никитин В. Принцип города: организационное представление (совм. с Е.Н.Никитиной). Материалы лекций. – Тольятти, 1999. – С 6.

Оригинальную трактовку «города» еще в 30-х гг. прошлого века разработал американский ученый, урбанист Л. Мамфорд. Он отмечал, что город возник как особый вид защищенной окружающей среды, благоприятствующий появлению кооперативных ассоциаций, воспитанию, образованию. В его теории «город» – это изначально положительный феномен, воплощающий инстинктивное стремление человека к дому, к сотрудничеству, взаимопомощи⁴.

Вывести из этих и других подходов какое-то универсальное для понимания понятие «города» и городского исторического развития возможно лишь при условии их сочетания. Абсолютизация какого-либо критерия часто приводит к взаимоисключающим определениям. Поэтому общее понятие «города» сегодня, в большей степени, определяется суммой социологических, юридических, экономических, культурологических поисков, чем выводится из опыта исторического познания.

Вопрос «какое поселение можно назвать городом?» возникает, в первую очередь, при обсуждении даты образования города. Ведь по данным археологии первые города появились около 3,5 тыс. лет до н.э. Можно ли называть эти населенные пункты городами по сумме критериев научной оценки городов?

Проблема идентификации поселения как города в методическом плане должна пройти процедуру типологической принадлежности. В частности, это касается деления их по эпохам – на архаичные и античные, средневековые и современные.

Начнем классификацию с современных городов, поскольку в их датировании и определении их статуса возникает меньше всего вопросов. *Современные города* возникают как элементы экономической, культурной (научной) или административной необходимости. Они формируются на основе определенных структур: фабрик, заводов, рудников, научных центров, пограничных пунктов и тому подобное. На основе этого развивается городская инфраструктура, органы власти.

Средневековые города Европы возникают как явление постепенного общественного исторического развития в V–XI вв. Теорий происхождения таких поселений много, но все они сводятся к определенным количественным и качественным показателям. В первую очередь, средневековый город возникает как следствие закрепления феодальных отношений в обществе. Развитие сельскохозяйственного производства обеспечивает продуктами питания не только самого крестьянина и его сеньора, но и городское население. Феодальная собственность на землю порождает безземелье, приведшее к выделению ремесел и объединению их в отдельные группы. Избыток товаров формирует внутренний и внеш-

⁴ Mumford L. The culture of cities. – N.Y., 1938. – P.294.

ний торговые рынки. Создается четкая феодальная вертикаль власти, призванная защищать (в стенах замка) крестьян и ремесленников – администрация.

Между средневековыми и современными городами есть одна важная общая черта – предоставление городу статуса. В средневековье статус города чаще всего присваивался монархом или же выкупался самими обитателями. В частности, г. Гамбург был основан по «милости» графа Адольфа в 1189 г.; его население обязывалось создать надлежащие условия для развития торговли в этом городе и освобождалось от многочисленных повинностей и налогов⁵. Такие привилегии позволяли обитателям организовывать независимую систему городского самоуправления, которая предоставляла городу многочисленные привилегии, права и ряд соответствующих обязанностей. Позже эта система была обобщена и получила юридическое закрепление как «магдебургское право».

Современная система предоставления поселению статуса города отвечает требованиям урбанизации. Во-первых, городом может быть поселение с определенным количеством населения. По рекомендации ООН, для сопоставления урбанизации стран и других целей предлагается считать городами все поселения с количеством жителей не менее 20 тыс. Во-вторых, в подавляющем большинстве стран мира статус города закрепляется законодательно (путем принятия решения законодательными органами государства). Лишь в немногих странах это понятие не юридическое, а историческое, статистическое и т.п.

Наибольшие проблемы возникают при датировании возникновения древних городов. И дело не в том, что недостаточно письменных или археологических источников для определения точной даты основания поселения. Суть проблемы в том, что историческая урбанистика традиционно установила определенные критерии, прежде всего экономические, для определения самого понятия «город». И первым среди критериев называются несельскохозяйственные формы занятости большинства населения.

Появление *архаичных и античных* городов связано с рядом процессов в развитии общества: благоприятные экологические условия, внедрение новых технологий в сельскохозяйственное и несельскохозяйственное производство, сложная социальная организация и высокоразвитая структура власти⁶. Сельское хозяйство оставалось единственным источником доходов населения. Города становятся ядром его развития. Вокруг них расширяются земельные угодья,

⁵ Бойцов М., Шукуров Р. История средних веков: Учебник для VII класса средних учебных заведений. – М., 1995. – С. 248.

⁶ Sjoberg G. Pre-industrial city. – N-Y: Free press; London: Collier-Macmillan, 1960. – P. 132.

внедряется рабский труд. Кроме этого, в городах развиваются ремесла, образование, архитектура, коммуникации, структура органов власти и финансово-таможенных органов и т.п. Основой градообразования в данный период является зависимость между количеством населения, площадью обрабатываемой земли, поверхностью, необходимой для создания поселения, объемом земляных работ, организацией труда и снабжением. Важной особенностью античных городов-полисов, эллинистических и римских городов была их защитная функция – они создавались прежде всего, особенно римские, как укрепленные крепости, а уже потом служили для защиты местного населения от нападений.

С точки зрения современной урбанистической традиции назвать такие поселения городами мы не можем – подавляющее большинство их населения было занято в сельском хозяйстве. С другой стороны, часть европейских городов ведет свое летоисчисление от периода античности (Афины, Рим и другие). Скажем, Рим, по словам римского историка Марка Теренция, был основан в 753 г. до н.э. Приблизительное датирование VIII в. до н.э. подтверждено археологами. Профессор археологии А. Карандини, занимающийся раскопками на римском форуме около 20 лет, сообщил, что был найден древний дворец на месте современного Храма Ромула. Возникает проблема определения даты основания таких городов, ведь они по своей сути являются аграрными, однако имеют все атрибуты городского поселения: большое количество и плотность населения, расширенные коммуникации, культурные и социальные традиции, финансовую структуру и властную иерархию.

Вот почему подход к определению «города», исходя из его сугубо экономических функций, не должен считаться единственно продуктивным. Приведенная выше типология позволяет рассматривать существование города как некий заверченный процесс, который имеет свое начало и конец. Это не всегда бывает оправдано, поскольку не отражает особенности развития многих поселений. Так, например, какими считать города Рим, Марсель, Париж, Лондон – античными или средневековыми? Во времена Римской империи они уже имели все признаки города. После падения империи эти и другие города пришли в упадок, но уже через несколько веков возрождаются. Какую точку отсчета брать для определения возраста городов? Именно поэтому стоит рассмотреть цивилизационную теорию развития городов как живых культур Л. Мамфорда.

Л. Мамфорд всегда подчеркивал, что жизненный цикл городов принципиально отличается от жизненных циклов в органическом мире. Города и городские культуры могут появиться внезапно «из небольшого ростка» и «они способны к существованию в виде *физической организации* (курсив Л.М. – Авт.) на протяжении жизненного цикла не одной, а многих культур». В качестве примера Л. Мамфорд

приводит Дамаск – самый древний из ныне функционирующих городов.

Все города, по мнению Л.Мамфорда, берут начало с деревенской общины, которая была первоначальной формой интеграции в социуме, и являлась для автора своеобразным эталоном. Поэтому он хотел подчеркнуть, что город имеет именно «деревенское происхождение».

Именно поэтому первый тип города – «эополис» – был сознательно включен ученым в схему, хотя он и не называл его городом. Эополис виделся ему как деревенская община. И город, и деревня были для Л.Мамфорда символами одного процесса – процесса урбанизации. Ученого, прежде всего, интересовало единство интеграционных процессов, протекавших в них.

«**Эополис**» мыслился Л.Мамфорду деревенской общиной, для которой были характерны постоянные жилища, наличие постоянных запасов продовольствия и постоянные границы поселений. Поселения дифференцировались по топографическим признакам, в соответствии с местными ресурсами: были сельскохозяйственные деревни, рыбацкие и др. (своеобразное разделение труда, как у городов средневековой Европы – Авт.). «Возникнув, возможно, в неолитическую эпоху на базе кровнородственных и соседских связей, деревни стали наиболее прочными коллективными формами жизни. Именно деревня была прототипом города, основным корнем, из которого он вырос»⁷.

Деревня была местом защиты, хранения продуктов, общения. Л.Мамфорд утверждает, что ее институты и формы коллективного искусства трансформировались в города, например: ритуалы стали прототипами театра, амбары, закрома, винные погреба – прототипами библиотек, архивов, музеев. Форма и содержание деревни устояли, несмотря на перипетии истории⁸.

Вторая стадия формирования города – появление «**полиса**». «Полисом» в данном случае Л.Мамфорд называет раннюю форму города, возникшего или в процессе синойкизма – объединения нескольких поселений, или в результате разрастания первоначального поселения. Главными отличительными чертами «полиса», по его мнению, были – общее место жизни, общие божества с общим местом поклонения – храмом, который символизировал городское единство и общее восприятие жизни, находящимся внутри или рядом с защищенным местом, общее место собраний и обмена продуктами и предметами потребления.

В «полисе» углубляется распределение труда и усиливается специализация, бурно развивается торговля и ремесленное производ-

⁷ Mumford L. The culture of the city. – N.Y., 1938. – P. 285.

⁸ Ibid. – P. 286.

ство, появляются первые научные знания в области математики, философии, астрономии и изобретения, а также зачатки систематической медицины и культы физического здоровья. Почтительность к предкам, соблюдение родовых ритуалов являются здесь нормой поведения. Л.Мамфорд особо подчеркивает выраженную гомогенность общественного сознания, присущую «полису». Л.Мамфорд называет «полисом» и ранние Афины, и ранний Рим.⁹

Высшей стадией культурного расцвета и развития городской интеграции Л.Мамфорд называет **«метрополис»**. Этот город, благодаря преимуществам своего стратегического расположения, большей защищенности, большим запасам питьевой воды, наиболее пригодным землям, а также идущим через него транспортным путям, выделяется в своем регионе из всех остальных. Он привлекает большое число людей и становится «материнским городом». Быстро расширяются внешнеторговые связи с другими регионами благодаря большому избытку внешней продукции. В результате этого в метрополисе начинают появляться не только новые товары и экзотические продукты, но и технические новшества, новые формы производства, даже эстетические паттерны, которые прежде здесь были неизвестны.

Идет дальнейшая специализация в экономике. Сельскохозяйственное производство становится вторичным по отношению к ремеслу, а в дальнейшем и к промышленности, что стимулирует торговлю. Растет соперничество между земельными аристократами и купечеством. Создается более эффективная и разветвленная сеть административных органов управления. Международная торговля и администрирование способствовали дальнейшему совершенствованию символических систем, таких, как алфавит, числовые таблицы и др. Иностранцы купцы, студенты, посещавшие «метрополис», привозили туда свои традиции, обычаи и идеи.

По мнению Л.Мамфорда, «метрополис» – это «перекресток» культур. В нем идет широкомасштабное развитие образовательных учреждений – школ, университетов, библиотек, где хранятся и генерируются мысли. Законодательно-правовая система совершенствуется: специально оформленные законы дополняют традиционные нормы поведения в обществе. Идеальным средством коммуникации становится письменный язык, который помогает универсализировать неустойчивые диалекты региона. Религия, литература, драма достигает стадии наибольшей выразительности и «застенчивой» критики.¹⁰

Самыми яркими «метрополисами» Л.Мамфорд называет Афины времен Платона, дантевскую Флоренцию, шекспировский Лондон, эмерсоновский Бостон¹¹.

⁹ Ibid. – P. 288.

¹⁰ Ibid. – P. 290.

¹¹ Ibid. – P. 288.

Ученый не идеализирует «метрополис», как это может показаться на первый взгляд, и находит его слабые стороны. Прежде всего – это неспособность абсорбировать и интегрировать несовместимые культурные элементы. Появляющийся индивидуализм разрывал старые социальные связи без создания нового порядка более высокой степени.

Нарастает классовая борьба в активных формах. Общество «метрополиса» начинает фиксировать свои цели на денежных символах, поэтому столь усиливается в нем влияние предпринимателей и банкиров. Но, несмотря на это, по схеме Л.Мамфорда, «метрополис» стал апофеозом созидательной урбанизации, где реализовывались все лучшие возможности городского устройства.

Следующий же за ним **«мегалополис»** уже являл собой начало упадка и вызывал у Л.Мамфорда наибольший интерес как первая степень социо-культурной деградации. «Мегалополис» – город-гигант, город-«монстр», разросшийся до невероятных размеров. На этой стадии город находится в постоянном плену капиталистических мифов, девиз которых – «Власть, Деньги, Величие!». «Сильные мира сего» подчиняют каждый аспект жизни реализации стремления к богатству, к наживе на финансовых операциях. «Агрессивное предпринимательство и предпринимательская агрессивность вырастают из жажды подавить нормальные жизненные атрибуты, ослабевает сама «воля к культуре», мораль огрубляется»¹².

Стандартизация, поиск материальных выгод проникают во все сферы культуры: искусство, литературу, архитектуру. Механическое репродуцирование занимает место подлинного искусства; величина занимает место формы; многотомность занимает место значимости... Триумф механицизма в «мегалополисе» порождает, по мнению Л.Мамфорда, пассивность и апатию среди его жителей. «Мегалополис» возвещает «эпоху культурного расширения». Что это означает? На этом этапе, считает Л.Мамфорд, преклонение перед «количеством и величиной» во всех сферах жизни ведет к созданию самых высоких зданий, самых величественных памятников и монументов, к использованию самых дорогостоящих строительных материалов; к потреблению самого большого количества продуктов; к рождению самых великих культов. Численность населения «мегалополиса» увеличивается в геометрической прогрессии. Да и само название «мегалополис» (что означает город-гигант) говорит за себя.

Научные исследования опираются на постулат – «наука ради науки», что предполагает тщательное установление фактов, тщательный анализ процессов и явлений, тщательную разработку приборов, машин и их усовершенствование вне зависимости от

¹² Ibid. – P. 300.

пользы или вреда от их практического применения. «Наука «мегалополиса» стерильна!» – утверждал Л.Мамфорд¹³. Ей чужд сентиментализм и присущ регламент. Наука и производство разрывают связи с естественной жизнью. «Сама жизнь разобщается, теряет природную разумную организацию, утрачивает стремление к гармоничным целям». Л.Мамфорд убежден, что это беда всех «мегалополисов» – будь то Александрия III в. до н.э. или Рим II в. н.э.; Византия X в. или Париж XVIII в.; Нью-Йорк или Берлин XX в.¹⁴

На фоне повсеместной социокультурной переориентации в стадии материальных ценностей происходит разобщение на всех уровнях. Нарастают классовые конфликты, усиливается эксплуатация человека человеком, умножаются способы угнетения, изобретаются новые виды грабительских поборов¹⁵.

Маленькие города, окружающие «мегалополис», объединяются в мегалополисную сеть и начинают слепо «подражать» его порокам, и даже опускаются на более низкий уровень, так как у них отсутствуют «высокие культурные институты, которые сохраняются еще в центре». Нарастает опасность широкого распространения варварства. Город в стадии мегалополиса уже становится источником дезинтеграции и угрозой подлинной культуре, перестает быть средством общественной кооперации и культурной гаванью. «Мегалополис» – еще живой город, но он уже стоит на пути «порока», и негативные процессы в нем могут придать ему совершенно безобразную форму и превратить в «тиранополис».

«Тиранополис» в представлении Л.Мамфорда – «это город, находящийся в состоянии тяжелой болезни, поразившей все его части»¹⁶. Это место распространения паразитизма в социальной и экономической жизни. Там искореняются все органы коммунальной и гражданской жизни, кроме «государственных». Политика становится соревнованием группировок по эксплуатации муниципальной казны.

В экономике «тиранополиса» преобладают грабительские способы и средства, заменяющие нормальную торговлю, идет беспощадная неприкрытая эксплуатация отдаленных от центра районов и колоний. Длительные циклы экономических депрессий проходят очень болезненно. В результате промышленных экспансий растет количество предприятий, нажившихся на подготовке к войне и ведении военных действий. На содержание военной отрасли уходит наибольшее количество налогов «тиранополиса», поэтому появляются все новые виды дани. Война – естественное состояние «тиранополиса».

¹³ Ibid. – P. 289.

¹⁴ Ibid. – P. 290.

¹⁵ Ibid. – P. 90.

¹⁶ Ibid.

Такие понятия, как любовь к Родине, дому, земле (не нуждающиеся в доказательствах) заменяются официальным, сводящим с ума культом «патриотизма». Этот культ порождает слепую единодушную поддержку правительства, сентиментальный национальный эгоизм, неразумную готовность проявить коллективную жестокость ради «национальной славы»¹⁷.

Стремление военной бюрократии внешне продемонстрировать свою силу Л.Мамфорд угадывает в широких авеню и бесконечных проспектах «тиранополиса», в его огромных стадионах и площадях, по которым маршируют участники парадов, шагают дети, поющие слащавые, прославляющие гимны, собираются толпы людей, оболваненных пропагандой. Режим превращает их в пассивные атомы, городских варваров, послушных фанатиков, не способных противостоять диктаторской системе. «Коллективным слабоумием», «паранойей», «подлинной неврастенией» называет Л.Мамфорд психологическую остановку в «тиранополисе».

Население уничтожают войны, голод, эпидемии, массовые беспорядки, суицид. «Империализм, гордящийся своей якобы цивилизаторской ролью, пытающийся «облагодетельствовать» дикие нации и отдаленные уголки планеты, на самом деле лишь способствует распространению в мире дикости». Так было, по убеждению Л.Мамфорда, и в древнем Риме, и в XX веке в Европе, когда свой порядок пытались создать «диктаторы-гангстеры» (Гитлер, Муссолини). Л.Мамфорд называет «тиранополис» «началом исхода «мегалополиса». В этом состоянии пребывали Берлин (середина и конец 30-х годов) и Москва (1905 – 1930-е годы)¹⁸.

Завершающую стадию городского развития Л.Мамфорд нарекает «**некрополисом**» – «мертвым городом». Города становятся «пустыми раковинами, каркасами, скорлупками» в результате истощения войнами, голодом, болезнями. Сохраняя свое название, они теряют социокультурную реальность, свою городскую сущность.

Те, кто остался в этих городах, не способны сохранять прежнюю гражданскую жизнь, поддерживать прежние муниципальные структуры. Памятники, здания, учреждения, книги «некрополиса» не выражают больше жизненных стремлений, улицы ветшают, сквозь трещины тротуаров пробивается трава, разрушаются коммунальные службы, богатые лавки, однажды разграбленные, пустуют по причине упадка торговли и производства. «Город становится неумелой карикатурой на себя»¹⁹.

«Историческая культура» страдает повсеместно – и в провинциях и в отдаленных деревнях, которые тоже были затронуты крушением.

¹⁷ Mumford L. City development. – N.Y., 1945. – P. 273.

¹⁸ Ibid. P. 283.

¹⁹ Mumford L. The culture of cities. – N.Y., 1938. – P. 292.

Они так же погружаются «во тьму». «Прежде «мегалополис» становится могилой, а затем его завоеватели или другие мародеры собирают его «останки» в виде золота, женщин, предметов былой роскоши...»²⁰. Жизненные формы городов становятся скелетом, песок засыпает их руины. «Так случилось с Вавилоном, Ниневией, Римом... Некрополис – мертвый город, его тело оборачивается прахом, жизнь его превращается в соляной столб»²¹.

Но ученый заверяет, что цивилизация не ограничивается только жизнью мировых городов. И даже в сфере влияния «мегалополисов» остаются регионы, города и деревни с другой «памятью», другим прошлым.

В то же время любой город может демонстрировать в истории как феномен упадка, частичной смерти, так и процесс саморегенерации. Л.Мамфорд полагал, что города могут обрести новую жизнь благодаря «трансплантации здоровых тканей» других регионов: «несколько сот людей, подобных гугенотам в Шотландии или Германии, или евреям в любой точке мира, могут стать глубоким стимулом городской культуры»²².

По его убеждению, корни культуры так глубоки, что «если даже болезнь поражает ее, всегда могут прорасти свежие, молодые побеги, из которых сформируется новый ствол, новые ветки, новая крона»²³. Такое возрождение возможно, только если существует в городе жизнь. Город может подняться даже с самого «дна», ценой огромных социальных усилий преодолев инерцию и перманентную дезинтеграцию. Л.Мамфорд полагал, что так произошло, например, с Марселем и некоторыми другими городами Прованса после распада Древнеримской цивилизации. Их освобождение, наряду с близкими контактами с Византией и с арабскими владениями, стимулировало восхитительный расцвет Прованской культуры в период раннего средневековья.

Л.Мамфорд не утверждает, что каждый город должен был пройти все эти стадии развития. Но в основе каждого городского поселения обязательно стояла деревня, которая, в зависимости от культурной традиции эпохи, трансформировалась из одной стадии в другую.

Типологии городов по Л. Мамфорду присуща еще одна особенность – города проходили (или проходят) все перечисленные стадии в разное время. Так, сам автор называет «полисами» древние Афины и Рим, а «метрополисом» – Афины времен Платона. Но, в то же время, приведенные им характеристики «полиса» и «метрополиса» больше отвечают городам раннего и позднего средневековья соответственно.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Mumford L. The culture of cities. – N.Y., 1938. – P.294.

²³ Ibid.

Таким образом, соединение экономической традиции отнесения поселения к городскому типу с культурологическим и цивилизационным подходом Л. Мамфорда дает нам основания для отнесения ряда античных поселений к разряду городов. Исходя из тех же соображений, датирование некоторых средневековых городов можно сдвинуть в эпоху раннего средневековья в момент зарождения в них соответствующих культурно-экономических предпосылок.

Но, с другой стороны, идеи Л. Мамфорда «опасны», особенно для постсоветских государств. Погоня за удревнением городов может привести к полному нивелированию основных социально-экономических критериев понятия «город». Можно вспомнить ряд необоснованных заявлений местных властей украинских и российских городов о новых, более ранних, сроках возникновения этих поселений.

По этой причине применение разных подходов и критериев к "наполнению" понятия «город» и проблемы датировки его возникновения требуют в каждом конкретном случае индивидуального подхода.